

«Славянский мир, сомкнись тесней...»
(к 210-летию со дня рождения Ф.И.Тютчева
и 140-летию его кончины)

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. «*Slavic world, unite closely...*» (to the 210th anniversary of the birth of F.I.Tutchev and 140th anniversary of his death)

The wealth of Tutchev views on Slavic Question in his poetic works and political essays is reviewed. It is shown, that despite the fact that they may seem out of fashion, in their substance they are still significant for the third millennium. The globalization process leads to risk of loss of Slavic national identity, thus the idea of the brotherhood, most pronounced in Tutchev's work, is gaining new and creative meanings; this concerns their unity, «raced with love», not with «steel and blood».

Ключевые слова: поэтическое творчество, политическая публицистика, Ф.И.Тютчев, славянский мир, славянский вопрос, славянская взаимность, славянское единство, национальная идентичность, диалог культур.

Проблема славянской взаимности и славянского единства в XIX веке была одной из важных для всей общественной мысли России. Ее решение сопрягалось с диалогом между ее представителями и носителями социально-культурной мысли западного и южного славянства, причем этот диалог не всегда осуществлялся в прямых форматах.

В наших предшествующих публикациях рассматривался такого рода диалог, в частности отложенная по времени перекличка идей А.И. Герцена о федерации славянских народов и Т.Г. Масарика о малых народах и их союзах¹. Одним из поводов послужили юбилейные даты: 200-летие со дня рождения Герцена и 75-летие со дня смерти Т.Г. Масарика.

Поводом к написанию данной статьи также является юбилейная дата - на этот раз связанная с 210-летием со дня рождения и 140-летием со дня смерти Ф.И. Тютчева. Следует отметить, что к 200-летнему юбилею увидело свет шеститомное издание трудов русского поэта и мыслителя, что дает возможность панорамно представить все его политические проекты и место славянского вопроса в них. Этот вопрос является в полном объеме ключевой темой в более чем полутора десятков стихотворений Тютчева; он ставится в трех его наиболее известных политических трактатах; его он касается и в эпистолярном наследии.

Приступая к изложению основных пунктов видения славянского вопроса Тютчевым, надо прямо отметить: в отличие от модели демократической славянской федерации Герцена (с которым Тютчев встречался дважды

в Париже – 8 и 9 марта 1865 г., однако то, что они обсуждали, почти не оставило следа в их переписке и мемуарных свидетельствах), Тютчев обосновывал, главным образом, консервативную модель решения этого вопроса, и это видно из нижеследующих его текстов.

Вхождение славянства в третье тысячелетие показывает, что как первая, так и вторая модели по видимости полностью отбракованы историей: слабо просматриваются контуры демократической федерации славянских народов, а уж их единство под эгидой Российской империи практически непредставимо. Однако по сути результаты рассмотрения этих моделей могут вызвать интерес, поскольку они несут не только исторический характер, но и содержат элементы прогнозного характера.

В случае Тютчева поиск смыслов славянской идеи, адекватный вызовам нового, третьего, тысячелетия, особенно затруднителен. Однако не случайно его идеи постоянно находились в поле зрения отечественных славистов², включая сотрудников Института славяноведения.

Можно в этом плане вспомнить работу В.К. Волкова (1930–2005), в которой отмечается, что обвинения в панславизме служили идеологическим оправданием вовлечения держав Запада в Крымскую войну против России³. На это постоянно обращал внимание Тютчев, подчеркивавший необходимость освобождения славян от гнета Австрии, которая усиливала антирусскую политику Запада.

М.Ю. Досталь (1947–2011) рассматривала взгляды Тютчева на идею славянской взаимности на русской почве как внутренне противоречивую: с одной стороны, объединение славян под эгидой России не соотнобразовывалось с их национально-освободительными движениями, с другой - оно противоречило реальной политике российского самодержавия⁴. Более того, «историософская утопия греко-славянской державы» способствовала созданию на Западе мифа о панславистской угрозе, хотя этот миф неправильно трактовал взгляды Тютчева.

Особо креативной является констатация Г.Д. Гачева (1929–2008), в соответствии с которой две установки у Тютчева: *«любовь к родине - императив себя полностью реализовать* (курсив мой. – Э.З.) - за срок жизни приходят в кричащий, даже вопиющий конфликт из-за разномерности тактов и ритмов»⁵. Она объясняет многое в формах изложения и политических идей Тютчевым: таковые выступают одновременно проекцией его сиюминутных ожиданий и громадных имперских (или, как говорилось уже после его смерти) геополитических проектов. Кроме того, поэтом постоянно ощущается прерывистость ткани исторического бытия.

Если вернуться к теме настоящей работы, то она заключается в том, чтобы, рассмотрев идейное наследие Тютчева, выявить в нем, по меньшей

мере, элементы прогнозного характера, значимые для современности. О том, что они есть, свидетельствуют наши неоднократные обращения к выраженному им в поэтической форме стремлению к славянскому единению (впервые в статье 1993 г., озаглавленной строкой из знаменитого стихотворения Тютчева)⁶. Эти элементы просматриваются во всем творчестве Тютчева, начиная с его стихотворений, которым в статье и будет уделено главное внимание.

Первым стихотворением, в котором на передний план выходит тема славянства, можно (хотя и с некоторыми оговорками) считать «Олегов щит», в котором – вслед за А.С. Пушкиным – ставится мотив победы славянства над турками. Стихотворение связывалось с заключением Адрианопольского мира, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг., когда русская армия подошла к самому Стамбулу (Константинополю)⁷. Вторая его строфа («О наша крепость и оплот!/ Великий Бог! веди нас ныне,/ Как некогда ты вел в пустыне/ Свой избранный народ!..») трактовалась как «молитва славян», противостоявшая «молитве магометан» в первой строфе (1.С. 71)⁸.

Античные мотивы в сочетании с политической злобой дня проявились во втором стихотворении «Как дочь родную на закланье...», в котором затрагивается славянская тема. Оно приурочено к взятию Варшавы в 1831 г. (первая публикация появилась только в 1879 г.); в нем констатируется: «Мы над горестной Варшавой / Удар свершили роковой, / Да купим сей ценой кровавой / России целость и покой!». При этом особо подчеркивается, что это борьба не за «коран самодержавья», а стремление «Державы целость соблюсти, / Славян родные поколения / Под знамя русское собрать» (1.С. 145). Заявленная программа их единения после этого звучит постоянно не только в стихотворениях, но и в политических трактатах Тютчева, отражаясь в его письмах.

Примерно то же, тогда же и по тому же поводу – взятию Варшавы, вызвавшему призывы к вооруженному вмешательству в дела России во французском парламенте, – писал Пушкин в «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Сопоставление идей и пафоса этих поэтических творений – отдельная задача, надо лишь заметить, что и Пушкин, и Тютчев выделяют мотив обособленности славянства, которое может вести «домашние споры» (Пушкин), но устремлено к единой «мете», то есть цели (Тютчев).

Очередное стихотворение по теме славянского единства – «К Ганке» - появилось ровно 10 лет спустя и было помечено датой: «Прага. 26 августа / 6 сентября 1841». Адресатом письма явился В. Ганка (1791–1861) - чешский филолог и общественный деятель, сторонник культурного сближения Чехии с Россией. Тютчев познакомился с ним в 1841 г., и стихотворение явилось свидетельством не только взаимной приязни поэтов, но и их единомыслия

как приверженцев идеи единства «Славянской земли». Отношения поддерживались и позже, в письме Тютчева к Ганке от 16 (28) апреля 1843 г., а в 1867 г. Ганке был послан посмертный привет – стихотворение получило три дополнительные строфы этому «правды мужу».

Письмо «К Ганке» начинается риторически-вопросительным обращением к видному представителю этого мира: «Вековать ли нам в разлуке? / Не пора ль очнуться нам? / И простерть друг другу руки – / К нашим кровным и друзьям?...» (1. С. 188). Ранее были кровавые столкновения среди этих племен, не одно из них погибло или подчинилось чужим. Крайне абстрактные соображения не сопровождаются указанием на то, какие это племена, но их враг обозначается достаточно четко: «Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил -/ Тех обезьязычил немец, / Этих – турок осрамил...». Тютчев с «пражских высот» рассматривает из зажженного Ганкой «маяка» всю «Славянскую Землю». Ее границы простираются «От Невы до Черногорья, / От Карпатов за Урал» (1. С. 188), слышна переключка Варшавы, Киева, Москвы и Вышеграда.

«Приписка» из трех строф связала письмо со встречей представителей славянских народов, прибывших в апреле 1867 г. на Всероссийскую этнографическую выставку. Славянский съезд собрал 81 представителя, встречавшихся с 8 по 15 мая в Петербурге, а с 16 по 27 мая – в Москве. Тютчев завершает его, обращаясь к имени Ганки: «За твое же постоянство / В нескончаемой борьбе/Первый праздник *Всеславянства/ Приношеньем будь тебе*» (1. С. 189).

В следующем году Тютчев пишет еще одно письмо - «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича». Оно было отправлено в Париж из Мюнхена 16(28) сентября 1842 г., но опубликовано польскими славистами лишь в 1979 г. В нем также обосновывается идея объединения славянских народов в общую «семью», хотя и в другой тональности.

Его косвенный адресат – А. Мицкевич - именуется «мужем примиряющей любви» без достаточных на то оснований; он с начала 1840-х годов читал лекции в Париже о славянских литературах, но уже тогда проникался настроениями польского мессианизма и прославлял римский католицизм - злейшего противника для Тютчева. «Мы чужом приближеньем Света – / И вдохновенный твой Глагол, / Как вестник Нового завета,/Весь Мир Славянский обогрел...» (1. С. 191). Конечно, и взаимная приязнь Мицкевича и Пушкина (второй еще в 1834 г., правда, утверждал, что общая мечта о времени, «Когда народы, распри позабыв,/ В великую семью соединятся», сменилась «голосом злобного поэта»), и внимание к польскому поэту со стороны русских могли бы образовать почву для общих устремлений. Все же видение судеб славянского единства у польского поэта исключало ведущее место

России в нем. Может, он и согласился бы со словами Тютчева: «Воспрянь, разрозненное племя,/Совокупись в один Народ –/Воспрянь – не Польша, не Россия –/ Воспрянь, Славянская Семья!» (1. С. 191), но эту семью, по его убеждению, должен возглавлять папа римский. Поистине Тютчев читал лишь отрывки из лекций, причем по собственному выбору, в противном случае он едва ли одобрил бы ключевые идеи Мицкевича.

Публицистические труды Тютчева написаны в некоем интервале - между ростом упований на славянское единство и развернувшимися по всей Европе революциями 1848–1849 гг. Славянский вопрос освещается в них как сила, противостоявшая революции, его можно решить лишь в союзе с Россией; отсюда же должно прийти спасение и для всей Европы по воле монарха – «всеславянского царя».

В письме «Россия и Германия» Г. Кольбу, редактору немецкой «Всеобщей газеты», появившемся в 1844 г. на французском языке в виде брошюры (на русском языке опубликовано в 1873 г.), Тютчев обращает более пристальное внимание и на славянские сюжеты.

Он особо подчеркивает, что со стороны России «так называемые завоевания и насилия явились самым естественным и законным делом, какое когда-либо совершалось в истории, – просто состоялось необъятное воссоединение. Становится также понятным, почему друг за другом разрушались от руки России все встреченные на ее пути противоестественные устремления, силы и установления, чуждые представляемому ею великому началу... почему, например, Польша должна была погибнуть... Речь идет, конечно же, не о самобытной польской народности – упаси Бог, а о навязанных ей ложной цивилизации и фальшивой национальности. С этой точки зрения наилучшим образом можно оценить и истинное значение так называемого Восточного вопроса, который селятся выдавать за неразрешимый именно потому, что все уже давно предвидят его неизбежное разрешение...» (3. С. 119).

Высказывая эти суждения, Тютчев исходил из того, что присоединенная к России часть Польши полноценно развивала собственную культуру, но поляки отошедших к Австрии и Германии областей подвергались онемечиванию. По его логике, Россия способна обеспечить национальное развитие Польши в своем составе, а ее независимость превратит небольшое государство в яблоко раздора для европейских стран.

Россия должна объединить и другие славянские народы, сохраняющие православную веру, и тем самым выступить прямой наследницей Византийской империи. «В самом деле, – отмечает он, – остается только узнать, получит ли уже на три четверти сформировавшаяся Восточная Европа, эта подлинная держава Востока, для которой первая империя византийских ке-

сарей, древних православных государей, служила лишь слабым, незавершенным наброском, свое последнее и крайне необходимое дополнение, получит ли она его благодаря естественному ходу событий или окажется вынужденной требовать его у судьбы силой оружия, рискуя свергнуть мир в величайшие бедствия» (З. С. 119).

Тем самым Россия предстает как объединитель славянских народов в Европе – процесс, который должен лишь начаться разрешением Восточного вопроса, сводящегося к освобождению православных и славянских народов из-под власти Турции; закончится же он присоединением к Восточной империи западных славян.

Статья «Россия и революция» была продиктована жене поэта Эрн.Ф. Тютчевой 12 апреля 1848 г., в 1849 г. она появилась на французском, а в 1873 г. – на русском языке. Если в предыдущих работах в центре рассмотрения славянской проблематики находилась Польша, то в данной на передний план выходит Чехия (Богемия).

Революционная волна уже докатилась до Австрии и Чехии: 13–14 марта произошло народное восстание в Вене, а ровно через 2 месяца после окончания статьи – 12 июня – оно началось в Праге и продлилось там 5 дней (восстанию предшествовали рабочие и крестьянские волнения, которые Тютчев сравнивает с Жакерией). И в этих условиях особое выражение получил, по словам Тютчева, племенной вопрос, приносивший опаснейшее осложнение, в первую очередь для Австрии. «Как-то забыли, – пишет Тютчев, – что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается Немцем...» (З. С. 152). Никто из славян не хотел мириться с национальным угнетением, но дальше всех пошли чехи. Принятая под их давлением Богемская хартия пошла на значительные уступки национальному движению чехов, усилились идеи о возрождении средневекового Королевства св. Вацлава, более того – в 1848 г. в Праге состоялся Славянский съезд.

Оказалось, что славянское движение не ограничивается литературным патриотизмом пражских ученых (в числе которых был и лично знакомый Тютчеву В. Ганка, а также И. Добровский, Я. Коллар, П. Шафарик, Л. Штур, Ф. Челаковский и другие)⁹; оно явилось отражением подлинной жизни народа, а это больше, чем исторические и филологические изыскания. «Все, – пишет он, – что еще сохраняется от истинного национального существования Богемии, заключено в ее гуситских верованиях, в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а так-

же против немецкого господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды чеха из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этому предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к старой вере (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшей и Богемией: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному сообществу, и мятежно католической Польшей – фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих» (3. С. 153).

Значительно позже Тютчев в письме к княгине Е. Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г. подчеркивал необходимость «органической связи Богемии с миром Славянским во всей его полноте». Он утверждал: «Чехия истинно национальная – прежде всего Гуситка, а гуситство не что иное, как возвратное стремление, – весьма сознательное, весьма решительное, хотя и прерванное насилием, – возвратное стремление, повторяю, Чешского племени к Церкви Восточной. Славянская народность Чехов требует, чтоб эта попытка возврата была возобновлена и доведена до конца» (3. С. 341).

По убеждению Тютчева, для славянской духовной природы сомнительна политическая самостоятельность при утрате самостоятельности нравственной: для духовной народной личности это грозит гибелью. «Чтобы понять, к какому государству Богемия будет вынуждена примкнуть, несмотря на господствующие в ней сегодня идеи и на те учреждения, которые станут управлять ею завтра, остается лишь вспомнить слова, сказанные мне в 1841 году в Праге самым национально мыслящим патриотом этой страны. “Богемия, - говорил мне Ганка, - будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией”» (3. С. 154). Общеславянские упования Чехии опираются на ее прошлое, в котором поражения способствовали укреплению ее самосознания.

В 1849 г. Тютчев готовил политический трактат «Россия и Запад», в котором славянские сюжеты концентрировались в главах, к которым были сделаны лишь заготовки. В первой главе трактата «Положение дел в 1849 году» отмечалась справедливость заключений, намеченных уже в «России и революции»: «Февральское движение, по свойственной ему внутренней логике, должно бы привести к крестовому походу всего охваченного Революцией Запада против России...» (3. С. 179).

Одним из препятствий этому продвижению и выступило славянское единство под негласным верховенством царя. Его сила – не только в вой-

сках, вошедших в находившуюся в беде Австрию, она, главным образом, в высокой духовности, заключает данную главу Тютчев.

Пафос призывов Тютчева сводится к тому, что Россия должна спасти Запад от самого Запада. Эта мысль конкретизируется на примере отдельных стран, одной из которых выступает Австрия. В материалах к ненаписанной главе о ней Тютчев очередной раз ставит вопрос: «Каково было значение Австрии в прошлом?». И отвечает на него опять-таки известным образом: «Она выражала факт господства одного племени над другим, германского племени над славянским». Но уже с большей определенностью добавляет: «Этот факт германского господства над славянами, опровергнутый Россией. Уничтоженный последними событиями» (3. С. 192).

Австрия в ходе революции провозгласила равноправие для различных народностей. Но возможно ли ее существование как империи на основе отрицания принципа, который должен ее удерживать? Ведь большинство в Австрии принадлежит славянам, поэтому и Австрия должна стать славянской, что совершенно невозможно. Следовательно, нужно искать новые формы сосуществования этих начал, включая политические и психологические. Одно из них - германский гнет: «не только политическое притеснение, он во сто крат хуже. Ибо он проистекает из той мысли немца, что его господство над славянами является его естественным *правом*. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть» (3. С. 193).

А что же такое Россия? Отнюдь не только материальная сила, спасающая Европу от революции, а славянство от национального угнетения. Это «целая половина европейского мира», состоящая из двух вещей: «славянское племя и Православная Империя» (3. С. 195).

Европейцы видят специфику первого в панславизме, по словам Тютчева, впадшем в революционную фразеологию, хотя это всего лишь искаженное восприятие народности, более того, маскарадный костюм для революции. Подобные литературные панслависты являются немецкими идеологами, считает поэт. «Действительный панславизм в массах. Он обнаруживается при встрече русского солдата с первым встречным славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т. д., даже мадьяром. Они все единодушны в своем отношении к немцу», – заключает он (3. С. 195).

Что касается империи, то надо признавать: Россия как империя гораздо более православная, чем славянская по своей сути. Были Ассирия, Персия, Македония, Рим, с Константина начинается 5-я и окончательная христианская империя, представляемая ее преемницей Россией.

«“Волим царя восточного православного”, – говорили малороссы, и говорят все православные на Востоке, славяне и прочие. Империя едина: Православная Церковь – ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Рос-

сия не пришла к Империи, она не доросла бы до себя. Восточная Империя: это Россия в полном и окончательном виде» (3. С. 196). Таков велеречивый вывод главы о России.

В «Материалах к главе IX» программа ее укрепления уточняется следующим образом: «В области светской образование Греко-Славянской Империи. В области духовной - объединение двух Церквей... Итак, поглощение Австрии есть не только необходимое пополнение России как славянской Империи, но еще и подчинение ей Германии и Италии, двух стран Империи» (3. С. 199).

Другое дело, предвещающее объединение Церквей, - это лишение римского Папы светской власти. Таков итог современного баланса сил между Россией и Западом, с учетом того, что первая в нем явно доминирует.

Все указанные соображения являются своеобразным предисловием к выглядешему даже на их фоне одиозным стихотворению «Русская география». Революцию 1848 г., захватившую и славянские народы (здесь ей предшествовало Краковское восстание 1846 г.), Тютчев встретил циклом стихов, в которых ее стихии противостоит - как утес - Россия. Стихотворение «Русская география» было написано не позже 1849 г., когда русские войска вступили в Европу для подавления революции (в Венгрии). Впервые опубликовано оно было в 1886 г., когда прервались русско-болгарские отношения, - и в этой «географии» образовался пробел. Это наиболее политически ангажированное стихотворение Тютчева, наполненное неуместной эйфорией как раз перед тем, как Россию ожидала Крымская война.

«Москва и Град Петров (Рим), и Константинов Град - /Вот царства Русского заветные Столицы.../Но где предел ему? и где его границы -/На север, на восток, на юг и на закат?.../Грядущим временам судьбы их обличат.../Семь внутренних морей и семь великих рек.../От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,/От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная.../Вот царство Русское... и не преидет век,/Как то провидел Дух, и Даниил предрек...» (1. С. 200). Россия здесь представлена не столько как утес, сколько как вулкан, захватывающий своей лавой все новые земли. И в этом плане стихотворение несло в себе мало подходивший для реальной политической жизни смысл, который содержал больше вреда, чем пользы.

Стихотворение «Пророчество» содержало указание и на фигуру властителя расширяющегося славянского мира. Раздался-де глас свыше, что «возобновленную Византию... осенит Христов алтарь». Стихотворение датировалось 1850 годом и было опубликовано журналом «Современник» в 1854 г., но одного из героев пророчества – царя Николая I – не вдохновили, но ввели во гнев заключительные его слова: «Пади пред ним, о царь России, –/И встань – как всеславянский царь!» (2. С. 14). То ли императора не вдох-

новил призыв «пасть» – хотя бы перед алтарем, то ли он был большим политическим реалистом, чем поэт, и зорче видел трагический для России исход Крымской войны, то ли его не привлекал идеал «всеславянства» (не случайно Пушкин гораздо раньше констатировал: у нас единственный европеец – правительство). Но он повелел относительно двустушия: «Подобные фразы не допускать»¹⁰.

Славянофилы видели в борьбе за православие и славянство ключевой пункт противостояния Востока и Запада и в данном ракурсе 1853 год, а в меньшей мере – 1854-й., считались ими весьма успешными. Но представление о православной России как преемнице Византийской империи, которая пала под ударами турков в 1453 г., было явно утопичным.

Еще одно пророчество перед крушением надежд на славянское единство под эгидой России содержится в стихотворении «Тогда лишь в полном торжестве...» (написано в том же 1850 г., но появившееся в печати в 1868 г.); в нем изложен еще один вариант славянофильской утопии. «Тогда лишь в полном торжестве,/В славянской мировой громаде,/Строй вожделенный водворится, –/Как с Русью Польша помирится, –/А помирятся ж эти две,/Не в Петербурге, не в Москве, А в Киеве и в Цареграде.../» (2. С. 17).

Поэтический голос Тютчева приумолк после поражения России в Крымской войне, особенно это касается его политической лирики. Лишь в 1863 г. было написано и появилось в печати тревожное стихотворение, вызванное совместным выступлением Австрии, Англии и Франции на стороне Польши. Тютчев стремится убедить их представителей, что Россия выступает в интересах самой Польши как славянского и в потенции православного государства, части великой империи и всеславянской державы. Для этого томы, русские, и «бьемся с мертвецами,/Воскресшими для новых похорон» (2. С. 121) – новых, судя по всему, после «похорон» 1831 г.

Пророческий пафос выражен словами «Нет, никогда так дерзко правду Божью/Людская кривда к бою не звала!...» (2. С. 121), хотя, как известно, борцов «за нашу и вашу свободу» поддерживали в России не только революционные демократы, не только умеренные круги, но и незначительная часть властной элиты.

Дипломату Тютчеву вряд ли стоило нагнетать антипольские - и антиевропейские - чувствования, громко говоря о том, что звучит «Всемирный клич к неустойной борьбе./Разврат умов и искаженье слова -/Все поднялось и все грозит тебе./О край родной! - такого ополченья/Мир не видал с первоначальных дней.../Велико, зная, о Русь, твое значенье!/Мужайся, стой, крепись и одолей!» (2. С. 121). Роль империи как спасителя славянства здесь не проговаривается, но подразумевается.

1867 год – время появления крупного славянского цикла стихотворений в связи с уже упоминавшимся Славянским съездом. Опора на славян – предпосылка освобождения России от западного диктата после Крымской войны и одновременно обоснование нового шанса на всеславянскую империю (хотя и не с такими завышенными ожиданиями, как непосредственно перед этой войной).

Первое из двух стихотворений под одинаковым названием «Славянам» было прочитано гостям на банкете в Петербургском дворянском собрании 11 мая 1867 г. в день памяти славянских первоучителей Кирилла и Мефодия (без демонстративного участия представителей Польши).

В его начале провозглашается приветствие всем славянским братьям «без изъятья» (хотя в конце один из отсутствующих народов сравнивается с Иудой). Прибывшие – не гости, а свои; они больше дома, чем на родине своей; здесь чтится Славянство. «Хотя враждебною судьбиной/И были мы разлучены,/Но все же мы народ единый,/Единой матери сыны» (2. С. 176), а признание и поддержка этой истины не прощается России Западом.

Враги в стихотворении четко не маркированы, однако утверждается: «Смущает их, и до испугу,/Что вся славянская семья/В лицо и недругу и другу/Впервые скажет: – Это я!/При неотступном вспоминаньи/О длинной цепи злых обид/Славянское самосознание,/Как Божья кара, их страшит!» (2. С. 177). Борются они с этой для них угрозой, по убеждению Тютчева, некой «двойной правдой» (на современном языке – двойными стандартами), забвением исторической памяти (о трагедиях на Косовом поле и Белой Горе), созданием расколов в славянской среде.

Второе стихотворение было прочитано 21 мая 1867 г. уже в Москве на банкете, причем прочитано дважды (опубликовано в том же месяце в сборнике под заглавием «Австрийским славянам»). Оно уже конкретнее представляет одного из врагов объединенного славянства, а чтобы относительно этого не возникли никакие сомнения, предваряется эпиграфом: словами «Славян надо прижать к стенке» австрийского министра иностранных дел Ф. фон-Бейста, который, подавляя все славянские народности, особо активно выступал против чешской (правда, намерение – «надо» в переводе Тютчева обращается в призыв: «Вот к стенке мы славян прижмем!»).

Поэт удачно использовал метафору – если не метонимию – стенки, подтвердив, что да, есть такая стена – она велика и «упруга,/Хоть и гранитная скала, -Шестую часть земного круга/Она давно уж обошла...» (2, С. 179). Эту стену не раз штурмовали, но безуспешно и с потерями для себя. «Так пусть же с бешеным напором/Теснят вас немцы и прижмут/К ее бойницам и затворам, –/Посмотрим, что они возьмут!/Как ни бесит вражда

слепая,/Как ни грози вам буйство их –/Не выдаст вас стена родная,/Не оттолкнет она своих» (2. С. 180).

Символика стены, делившая мир на две части, имела гораздо более длительную перспективу и вряд ли завершилась с завершением второго тысячелетия.

Следующая пара стихотворений привязана к памятным датам: «14-ое февраля 1869» (написано и опубликовано в конце зимы 1869 г.) посвящено тысячелетней годовщине кончины просветителя славянства Кирилла, а «11-ое мая 1869» (публикация 1886 г.) – дню празднования памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла. В первом стихотворении звучит призыв следовать примеру Кирилла в служении делу просвещения славянства: «Не изменяй себе, великая Россия!/Не верь, не верь чужим, родимый край,/Их ложной мудрости иль наглым их обманам,/И как святой Кирилл, и ты не покидай/Великого служения Славянам» (2. С. 196).

Второе стихотворение также призывало поставить славянский союз «на высоту такую,/Чтоб всем он виден был - всем братским племенам» (2. С. 200). Оно предназначалось Славянскому благотворительному комитету, основанному в начале 1866 г. московскими славянофилами и возглавляемому другом Тютчева с юных лет М. П. Погодиным. Одна из целей комитета – противостояние пропаганде католицизма среди западных славян. Созданный в 1868 г. петербургский отдел возглавлял этнический немец А. Ф. Гильфердинг (которому в конце 1869 г. Тютчев посвятил отдельное стихотворение).

Еще одна пара стихотворений имеет уже коллективного адресата: чешских патриотов. Первое – «Чехам от московских славян» – было приурочено к посылке Московским славянским комитетом чаши в Прагу в связи с годовщиной памяти Яна Гуса 24 августа 1869 г. – 500-летием со дня его рождения (тогда же его и напечатали).

В стихотворении отражено убеждение Тютчева, сформулированное им в статье «Россия и революция» и высказанное затем в письме к кн. Е. Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г. Тютчев предлагает свое решение чешского вопроса (позже во всю мощь поставленного Т. Г. Масариком в труде «Чешский вопрос» – *Česká otázka*). Оно сводится к возвращению национальной самобытности, символом которой и выступает чаша – ритуальная принадлежность чешско-братской церкви. В истории она представляла символ единения всех верующих, из нее причащались не только священники (как в католицизме), но и миряне, а это – условие духовной свободы и дальнейшего единения, вплоть до слияния с православием.

«Старочешская семья» защищала чашу страшной ценой, оттого она и не потеряла своей жизненности. «Отцов великих достоянья,/За все их тяжкие труды,/За все их жертвы и страданья,/Себя лишать даете

вы/Иноплеменной дерзкой ложью» (2. С. 206), – упрекает своих адресатов Тютчев, считая под данной ложью католическое влияние.

Западные славяне должны, по его убеждению, возвратиться к церковному единству в рамках православия по двум причинам: чтобы не быть «незаконнорожденными детьми» для католицизма, поскольку они славяне, и для православия, потому что латинство чуждо славянской духовной природе.

Стихотворение «Гус на костре» было написано и опубликовано в 1870 г. Оно читалось на вечере, данном в пользу Славянского благотворительного комитета. В нем утверждалось, что гуситские верования побудят протест славянской национальности против как римской церкви, так и немецкого господства.

Вершиной политической лирики и высшим пунктом упования на силу славянской идеи явилось стихотворение «Два единства». В отличие от многих политически ангажированных с элементами выпяченной риторики творений Тютчева по славянскому вопросу (например, «Русской географии»), оно характеризуется поэтической мощью и пророческим пафосом. Стихотворение объясняет многие процессы, которые имели место (и должны стать даже сегодня), хотя написано оно было (и опубликовано) в 1870 г. по достаточно конкретному поводу: франко-прусская война 1870–1871 гг.; «оракулом» же предстает О. фон Бисмарк (1815–1898), с 1871 г. – канцлер Германской империи. 1 октября 1870 г. стихотворение было прочитано на празднестве по случаю присоединения к православию 13 чехов, устроенном Славянским благотворительным комитетом в Александро-Невской лавре в Петербурге.

«Из переполненной Господним гневом чаши/Кровь льется через край, и Запад тонет в ней –/Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши – /Славянский мир, сомкнись тесней.../“Единство, – возвестил оракул наших дней, –/Быть может спаяно железом лишь и кровью...”/Но мы попробуем спаять его любовью –/А там увидим, что прочней...”» (2. С. 221). Столкнувшись с смыслами, включенные в эти две строфы Тютчевым, И. С. Аксаков писал: «Германская новейшая империя возникла не органически, но чрез завоевание. Она скреплена не нравственными узами, не тяготением, свободным и естественным, частей к центру, а “кровью и железом”. “Кровь и железо” возведены ею в принцип, оправданы теориею, поставлены на рациональные основы. Ею не только проявлено на факте, но и провозглашено как руководящее начало: право сильного»¹¹.

Но возможно и другое единство в форме Всемирной монархии или Вселенской империи – на основе духовного начала и силы любви. Конечно, призвана осуществить его Россия, и Тютчев в предшествующих стихотворе-

ниях говорил об этом постоянно. Однако здесь он ограничивается простым «мы», включая в него всех, не приемлющих завоеваний и порабощения.

По всей видимости, и сам Тютчев понимал, что общегуманистический пафос его стихотворения вовсе не сводится к благословию вступивших в лоно православия чехов. В газете «Голос» сообщалось, что на торжественном обеде в честь присоединения 13 чехов-католиков к православию оно было прочитано, хотя сам автор отсутствовал по болезни. Однако дочь поэта М. Ф. Тютчева-Бирилева писала, что «это была простая отговорка, и утром того же дня он присутствовал при отлично удавшейся церковной церемонии отречения». «Голос» также отмечал: «Громкими взрывами рукоплесканий сопровождалось чтение этого восьмистишия, повторенного по желанию всего общества, и тост, предложенный за маститого поэта, был принят с единодушным восторгом»¹².

Остается добавить, что мощная объяснительная энергетика данного стихотворения помогает в анализе и поиске способов разрешения вечных вопросов и современного славянства. Именно поэтому оно достаточно часто упоминается автором данной статьи и в других его работах.

Заключить рассмотрение темы славянства в поэтическом творчестве Тютчева хотелось бы стихотворением «Молчит сомнительно Восток...». Оно - образец сплава пейзажной (в случае Тютчева перерастающей в космическую) лирики и политического символизма (с элементами пророчества). Стихотворение как бы предвещает наступление новых времен: «Но к небу подымите взор.../Смотрите: полоса видна,/И, словно скрытной страстью рдея,/Она все ярче, все живее - Вся разгорается она -/Еще минута - и во всей/Неизмеримости эфирной/Раздастся благовест всемирный/Победных солнечных лучей» (2. С. 148).

Большинство комментаторов считают, что речь здесь, в первую очередь, идет о неизбежности славянского возрождения. Надо сказать, что оно и произошло после окончания Первой мировой войны, но приняло далеко не те очертания, которые обрисовывал Тютчев.

В 1928 г. В. Ф. Ходасевич констатировал: «Немало был бы разочарован Тютчев, если бы узнал, что, вопреки его построениям, волею истории независимости чехов, словаков, сербов суждено быть закрепленной не с высоты “всеславянского престола”, но как раз после того, как этот престол опустеет»¹³. Россия и Революция как раз побратались, именно это привело к гибели и других империй, заключал он.

Остается, правда, добавить, что той же «волею истории» 10 лет спустя после данной констатации (надо напомнить, что к своему десятилетнему юбилею Чехословакия находилась в десятке, если не в пятерке государств всего мира по уровню экономического развития) наступил Мюнхенский

сговор, а затем разделившиеся чехи и словаки попали в зависимость от третьего рейха; год спустя была оккупирована Польша, а еще через год – Югославия.

* * *

Анализ взглядов Тютчева на славянский вопрос показывает, что по видимости они безнадежно устарели. Более того, его политические стихотворения в основном выглядят архаично и слабо выдерживают сравнение с лирическими. Это же касается и его трактатов: большинство славянских народов стали самостоятельными политическими акторами, точнее, повторно становились ими: после 1918, 1945, 1989 гг. – и эта частотность является свидетельством того, что славянский вопрос в XX веке не был решен полномасштабно. И все же, а также именно поэтому обращение к богатейшему набору идей Тютчева далеко не лишне и в третьем тысячелетии.

Во-первых, Тютчев как политический мыслитель обладал системным видением реалий современного ему мира, которого так не хватает нынешним политическим аналитикам. Так или иначе это находило выражение в его дипломатической деятельности, включая подготовку посланий и меморандумов; не случайно он являлся одним из лучших советников канцлера А.М. Горчакова. Нашло отражение это видение и в поэтическом творчестве, рассмотренном выше. Так, Тютчев предполагал, что утверждение «Олегова щита» на Востоке может вызвать враждебную реакцию на Западе; действительно, русские войска близ Стамбула (Константинополя) в 1829 г. встрожили Запад, и через год их пришлось перебрасывать в Варшаву. Траектория их переброски прослеживается по стихотворениям «Олегов щит» (1829) и «Как дочь родную на закланье» (1831); в его творческом наследии можно обнаружить и другие траектории.

Во-вторых, идея России как ключевого фактора славянского единства - священная для Тютчева в XIX веке, в веке XXI лишь на первый взгляд выглядит анахронизмом. Действительно, приобщение западных и южных славянских государств к Европе оказалось небеспроблемным и сопровождалось в 1999 г. бомбардировками столицы одного из них. Постреволюционные годы оказались не столь плодотворными для их экономического и даже политического развития, как представлялось лидерам этих революций, породив различные национальные варианты евроскептицизма. Глобальный финансово-экономический кризис на рубеже двух первых десятилетий третьего тысячелетия показал это с большой полнотой. Россия в этих условиях усиливает свою притягательность, тем более что союз с нею служит защитой и от нового вида угроз, например, терроризма.

В-третьих, в условиях глобализации возникает опасность для сохранения национальной идентичности славянских народов. И идея их братства, особенно ярко выраженная Тютчевым, в этих условиях приобретает новые и крайне креативные смыслы относительно единства, «спянного любовью». Полномасштабное и в то же время детальное рассмотрение идейного наследия Тютчева по славянскому вопросу показывает, что именно эти слова довлеют над всеми его консервативными утопиями. Более того, они выражают глубинные чаяния всех народов, отвечая запросам нового тысячелетия, – если оно останется временем сохранения человечества и развития его лучших начал.

Примечания

¹ Задорожнюк Э.Г. А.И. Герцен, Т.Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.

² См.: Хевролина В.М. Внешнеполитические сюжеты в поэзии Ф.И.Тютчева // Новая и новейшая история. 2004. № 3.

³ Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

⁴ Досталь М.Ю. Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф.И.Тютчева // Общественная мысль и славистическая историография. Калинин, 1989. С. 8-14.

⁵ Гачев Г.Д. Русская душа. М., 1991. С. 17.

⁶ См.: Задорожнюк Э.Г. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. М., 1993. Т. 63. № 12; Zadorozhnyuk Ella G. // Instrument of Unity: Love or Steel // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. Vol. 63. № 12.

⁷ См., напр.: Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира / Отв. ред. А.В.Карасев. М., 2009.

⁸ Здесь и далее ссылки на произведения даются по: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. М., 2002. Т. 1; М., 2003. Тт. 2-3; М., 2004. Тт. 4-6; М., 2005. Т. 5. Первая цифра - том, вторая - страница.

⁹ См.: Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И.Тютчева. М., 2011. С. 385-421.

¹⁰ Тютчев Ф.И. Сочинения. Т. 1. М., 1984. С. 459.

¹¹ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 211-212.

¹² Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. Т. 79. Ч. 2. М., 1989. С. 410.

¹³ Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 234.